

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Неймарк Марк Афроимович,

доктор исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Mark A. Neimark,

Doctor of Sciences (History),
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow.
E-mail: mark.neimark@mail.ru

СВЕТ, ПОЛУМРАК ИЛИ ТЬМА В КОНЦЕ ТУННЕЛЯ: КУДА ВЕДЕТ КРИЗИС МУЛЬТИЛАТЕРАЛИЗМА?

LIGHT, SHADE OR DARKNESS IN THE END OF THE TUNNEL: WHERE DOES CRISIS OF MULTILATERALISM LEAD?

Аннотация: современный мир переживает турбулентно-кризисные трансформации. Динамический баланс прошлого и настоящего нарушен окончательно. На внешнеполитическом контуре России произошли фундаментальные сдвиги, всецело меняющие картину мира. Его раскол на подвижные противоборствующие блоки приобрел невиданные ранее формы и очертания. Система контроля над вооружениями разрушена. Диалог США – Россия по стратегической стабильности прекратился. Прежняя конфликтность резко перешла в стадию жесткого противоборства. Макросистемные трансформационные процессы усиливают по нарастающей асимметрию наличных стратегических потенциалов и балансов сил. Предпринимаемые руководством США попытки американизировать принципы, черты и характеристики нового мирового порядка входят в объективное противоречие с базовыми тенденциями современного мирового развития. Выстраиваемая строго по американским лекалам геополитическая модель переустройства не только представляется и всемерно продвигается как единственно универсальная, но и многообещающе рекламируется как некий пропуск в будущий миропорядок. В этих условиях проблема формирования нового качества разных форматов взаимодействия, соперничества и противоборства в глобальной политике приобретает особое геополитическое значение. Остроту этой проблемы определяют разнонаправленные процессы, связанные с феноменом «мультилатерализм/многосторонность», контрастно отражающие различия в подходах Запада и России к геополитической направленности этих форматов и их оценочному содержательному наполнению.

Ключевые слова: мультилатерализм, геополитика, стратегическая безопасность, США, Европа, Россия, новый мировой порядок.

Abstract: the modern world is going through turbulent crisis transformations. The dynamic balance of the past and present is completely broken. Fundamental shifts have taken place on Russia's foreign policy contour, completely changing the picture of the world. Its split into mobile opposing blocks has taken previously unseen forms and outlines. The arms control system has been destroyed. The US-Russia strategic stability dialogue has ended. The former conflictogenicity abruptly turned into a stage of tough confrontation. Macrosystemic transformational processes are increasing the asymmetry of existing strategic potentials and balances of power. The attempts made by the US leadership to Americanize the principles, features and characteristics of the new world order are in objective contradiction with the basic trends of modern world development. The geopolitical model of restructuring, built strictly according to American patterns, is not only presented and promoted in every possible way as the only universal one, but is also promisingly advertised as a kind of pass to the future world order. Under these conditions, the problem of the formation of a new quality of various formats of interaction, rivalry and confrontation in global politics acquires special geopolitical significance. The severity of this problem is predetermined by multidirectional processes associated with the phenomenon of "multilateralism", which in contrast reflect the differences in the approaches of the West and Russia to the geopolitical orientation of these formats and their estimated content.

Key words: multilateralism, geopolitics, strategic security, USA, Europe, Russia, new world order.

Для неискаженного понимания сущности рассматриваемого феномена прежде всего важно обратить внимание на его лингвистический аспект. В нашей стране это понятие прямо калькируется как «мультилатерализм», что исходно обозначает, как правило, его западный вариант. В российском внешнеполитическом дискурсе не всегда, но чаще всего используется переводной термин «многосторонность». И, казалось бы, здесь видятся лишь сугубо лингвистические различия, однако отнюдь не в единичных случаях они привносят смысловые различия и оценочные интерпретации, которые усиливаются отсутствием общего ценностного и идейно-политического знаменателя. Более того, исходно замысленная западная модель мультилатерализма уже не соотносится адекватно с невымышленной международной реальностью.

Суть российского подхода к многосторонности четко изложил В. В. Путин, призвавший понимать ее «не как всеохватность, а как необходимость привлечения тех, кто действительно заинтересован в урегулировании проблемы. И, разумеется, ничего хорошего не получается, когда в процесс, затрагивающий определенный круг игроков, реально способных договориться между собой, подчас грубо и беспардонно вмешиваются сторонние силы. Причем делают это исключительно с целью продемонстрировать свои амбиции, власть и влияние. “Застолбить поляну”, развести всех, а не внести свой позитивный вклад в решение вопроса» [1].

В этом контексте важное политико-методологическое значение приобретает вопрос о смысловом стержне понятий «многополярность» и «полицентризм». Они настолько замылены повседневным частотным употреблением, что почти автоматически отождествляются даже во внешнеполитических документах, не говоря уже о многочисленных публикациях, имеющих как прямое, так и отдаленное отношение к мировой политике и международным отношениям. Между тем исходное разграничение этих понятий, их содержательная спецификация задают вектор адекватного осмысления трансформационных перспектив мирового порядка. В полярности заложено в той или иной степени прямое конфликтное противостояние; полицентризм же подразумевает усложненное взаимодействие нескольких самостоятельных центров силы, способных создавать различные геополитические конфигурации, где сохраняются расширенные возможности защиты их национально-государственных интересов¹ [4, с. 17].

Обоснованно продуктивной представляется точка зрения, обобщающая новый, актуализированный подход к многосторонности, отражающий кардинально изменившиеся реалии, в которых привычные международные схемы и формулы уже не срабатывают или их эффективность исходно минимизирована. Вместо того, чтобы пытаться восстановить старые форматы многосторонности, считает А. Картунов, нужно искать ее новые форматы, среди которых могла бы быть проектная многосторонность, принципиальная особенность которой — «наличие общих ценностей не как предварительное условие многостороннего сотрудничества, а как одна из его целей». Он исходит из того, что многосторонность XXI века сможет стать универсальной только в случае, если она подойдет для мира ценностного плюрализма и станет инструментом преодоления ценностных конфликтов в современном мире. Это означает, что «общность ценностей должна быть не отправной точкой в продвижении к многосторонности, но конечной точкой, к которой многосторонность может

¹ «С самого своего начала, ещё до того, как вообще стало возможно говорить о каких-то полюсах, мировая система была полицентричной. В эпоху открытого мира полицентричность была естественной, так как ни одна из великих держав не могла из-за дальних расстояний и неразвитости технологий обеспечить устойчивое доминирование над другими. В мире закрытом эта полицентричность продолжает существовать, хотя применительно к годам холодной войны она менее очевидна» [3].

в конце концов привести». С прогностической уверенностью он утверждает, что в условиях повсеместной «институциональной усталости», которая вряд ли исчезнет в обозримом будущем, продвижение многосторонности снизу-вверх способно оказаться более конструктивным, чем традиционные подходы по принципу сверху-вниз. Гибкие многосторонние режимы имеют больше перспектив, чем жесткие многосторонние организации. Формат проектной многосторонности *ad hoc* или проектной (проблемной) многосторонности становится всё более востребованным в международных отношениях [2].

В целом российское диалектическое понимание многосторонности как «единства в многообразии» — это поиск согласованных решений международных проблем в рамках многосторонних институтов и форматах регионального и глобального уровней, включая неформализованные структуры и объединения. Западноцентричная же модель мультилатерализма ориентирует, прежде всего, на продвижение своих ценностей по всему миру, внедряя их даже там, где их исторически не приемлют.

В связи с этим особого внимания заслуживает опубликованная в Париже в 2022 году коллективная монография, название которой многозначительно и тревожно говорит само за себя: «Разъединенные нации?» с уточняющим подзаголовком «Кризис мультилатерализма в международных отношениях» [5]. В ней отражены результаты профильного исследования группы, как обозначено в аннотации, наиболее авторитетных французских специалистов в этой области.

Первопричина пристального интереса к этому коллективному исследованию в том, что мультилатерализм рассматривается в нем как «базовый стержень международных отношений». Авторы сразу же оговаривают, что проблемное поле мультилатерализма «несет на себе отпечаток противоречий, двусмысленностей и ограничений» [5, с. 264]. Их совокупность отражается, естественно, на диалектике соотносительности равенства и неравенства в его организационных структурах, что явилось «дополнительной причиной заката мультилатерализма» [5, с. 335]. В книге акцентируется внимание и на другом дихотомическом противоречии: не исчезающее соперничество ведущих государств между собой — коллегиальность в принятии решений как

знаковая особенность мультилатерализма. Не забывая при этом стратегические устремления сверхдержав, которые «обладают способностью сделать, заставить сделать, помешать сделать и отказаться сделать» [5, с. 253—254]. С учетом этих обстоятельств формулируется вывод о том, что эффективность мультилатерализма зависит в первую очередь от его инклюзивности и способности сообщества регулировать поведение государств, «включая самые мощные среди них» [5, с. 24].

Критическое восприятие процессов, связанных с мультилатерализмом, фиксируется в исследовании, прежде всего, на всё более четко выраженном «противоречии между его замысленной моделью и ее претворением в жизнь» и, что подчеркивается особенно, «парализующем воздействии этого противоречия на развитии современной мировой политики» [5, с. 39]. Авторы исходят из того, что нет ни одного безоговорочно признанного всеми определения мультилатерализма. «Инклюзивный» западный подход, определяющий этот феномен как «любой тип взаимодействия в мирных форматах по меньшей мере трех акторов международных отношений», оценивается ими весьма критически, поскольку, по их мнению, мало что объясняет. Зауженная функционализация такого подхода, не учитывающая в должной мере политико-стратегическую значимость мультилатерализма, стала одной из причин кризиса традиционных межгосударственных объединений, насчитывающих сегодня около трех сотен.

При этом участники исследования специально оговаривают, что они не претендуют на формулирование единственного точного, аналитически выверенного понятия мультилатерализма. Ситуация осложняется тем, что мир переживает всесторонний, глубокий кризис — военный, экономический, социальный, пандемический. Главное сегодня, по их утверждению, «это обозначить рамки мультилатерализма, нежели отбросить его в сторону». Это особенно важно потому, что во многих случаях практика мультилатерализма становится, скорее, «ритуальной», нежели значимо эффективной, если судить о степени эффективности регулярных встреч G7 или G20.

В этих условиях осмысливается двойная задача использования мультилатерализма: «преодоление ожидаемой анархии — исходно конфликтной — в международных отношениях

и опосредованных достоинств, возникающих в результате его практического применения, сближения и взаимодействия между странами» [5, с. 13]. И — что имеет принципиальное значение с точки зрения стратегических перспектив решения этой задачи — это отнюдь не означает, как подчеркивают авторы, что унilateralизм или билateralизм совсем обесцениваются или мультилateralизм одних государств больше не будет противостоять мультилateralизму других в связи с сохранением различных союзов, активность которых прямо сказывается на балансе сил на международной арене. Совокупность этих оговорок авторы увязывают с сугубо негативными изменениями, характеризующими динамику кризисного развития международных отношений, которая наглядно отражает минимизацию переговорного процесса в целом. Правда, главный источник этого столь серьезного отката — США — ими почему-то не назван.

Французские эксперты сходятся на том, что современный мультилateralизм переживает тройной кризис: организационно-технический, обусловленный бюрократической жесткостью формулировок соглашений; юридический, не обеспечивающий должную безопасность государствам-участникам; политический, не отражающий адекватно изменившуюся реальность. Они критически оценивают позицию США и стран, следующих в фарватере их политической стратегии, которые оспаривают саму философию мультилateralизма. «Именно США с их логикой соперничества стремятся доказать, что однополярная свобода действий принесет больше выгоды участникам [этих соглашений] и что гегемония предпочтительнее лидерства». И даже с еще большим критическим нажимом: «Другими словами, логику превентивных действий, сотрудничества и солидарности они подменяют либеральной логикой — односторонней и репрессивной» [5, с. 342—343].

Причины всестороннего кризиса мультилateralизма авторы усматривают в том, что, во-первых, возможно, он достиг своей высшей стадии. Прежние самоограничения государств в пользу международных объединений входят в противоречие с интересами возросшего в 3 раза после Второй мировой войны числа новых суверенных стран. Найти компромисс между суверенностью и наднациональными решениями и потребностями становится

всё труднее. Во-вторых, установившиеся в прошлом веке рамки взаимодействия сегодня явно устарели и не отвечают новым реальностям и задачам. В результате мультилатерализм по образу и подобию ООН стал «пленником своего прошлого и заложником своего будущего». В-третьих, сами организационные рамки мультилатерализма подвергаются обоснованной критике; так обстоят дела с ВТО, которую обвиняют, в частности, в социальном ущемлении среднего класса в западных странах.

Кризис мультилатерализма объясняется в исследовании исходно заложенным в нем диалектическим противоречием «взаимодействие» — «соперничество». Ранее найденное равновесие в международных отношениях «разлетелось сегодня на осколки». Адаптировать прежний мультилатерализм к беспрецедентно изменившемуся миру уже невозможно; он нуждается в серьезном реформировании. «Возвышение так называемых нелиберальных держав — Китая, России — и закат США и Европы, покровительствующих мультилатерализму прошлых лет, предупреждают о невозможности любой мягкой формы его адаптации к новым международным условиям». Именно поэтому институты и форумы, где Запад имел привычку доминировать, страдают неспособностью сохранить прежнюю эффективность.

Отсюда, объясняют авторы, — стремление возрастающего числа стран постепенно дистанцироваться от институций, которые они раньше поддерживали. Отныне самостоятельные государства соглашаются лишь на ограниченные обязательства, которые устанавливают они сами. Инклюзивному мультилатерализму прошлого они предпочитают пересмотренный регионализм либо новый билатерализм или, что предпочтительнее, минилатерализм, позволяющий им облегченно защищать свои позиции, или же мультилатерализм сугубо «между собой» вместо участия в создании очередной лиги западных стран. «Любая сверхдержава обладает способностью обходиться без согласованного взаимодействия, лежащего в основе мультилатерализма, использовать его по своему усмотрению, пренебрегать им в тех или иных случаях — унилатеральных или билатеральных, и это без каких-либо опасений столкнуться с ответными аналогичными мерами». В основе этой геополитической, по сути, позиции лежит так называемая теория «гегемонистской ста-

бильности», согласно которой эффективность и успехи мультилатерализма прямо зависят от способности доминирующего государства устанавливать его правила, убеждать в их необходимости другие страны и, конечно же, заставлять их соблюдать. В связи с этим авторы критически оценивают мультилатералистские возможности США, констатируя «эрозию американского лидерства в мире» [5, с. 18—19].

Заключение

Критический настрой авторитетных французских исследователей по отношению к западному формату мультилатерализма в обобщенном виде отражает (по-своему) кардинальные изменения в глобальном геополитическом пространстве. Всё большее число авторитетных представителей политологического сообщества в странах Запада приходят к осознанию того, что пик глобального господства США прошел и утрата американской монополии на развитие мирополитических процессов стала реальностью. Это, разумеется, не означает, что давняя укорененная убежденность политического истеблишмента США в исключительности американской нации, в исторической уникальности геополитического «предназначения» США исчезла в одночасье. Об этом наглядно свидетельствует новая американская Стратегия национальной безопасности, принятая 12 октября 2022 года, которая без каких-либо иносказаний и полутониров позиционирует США как «глобальную державу с глобальными интересами», призванную и дальше «продолжать руководить с силой и целеустремленностью» [6].

В целом коллективный труд французских ученых расширяет, несомненно, аналитические рамки критического осмысления не только особенностей западной модели мультилатерализма, но и перспектив формирования нового мирового порядка.

Литература

1. Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России [официальный сайт]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64261> (дата обращения: 25.11.2022).
2. Кортунюв А.В. Многосторонность надо не восстанавливать, а изобретать заново // РСМД [официальный сайт]. – 09.12.2020. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogostoronnost-nado-ne-vosstanavlivat-a-izobretat-zanovo/> (дата обращения: 25.11.2022).

3. *Куприянов А.* Возвращение системной полицентричности // Россия в глобальной политике. – 2020. – № 4. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vozvrashhenie-politsentrichnosti/> (дата обращения: 25.11.2022).
4. *Неймарк М.А.* Тревожный мир и кризисная геополитика // Международная политика и безопасность: новые контуры современного мира: коллективная монография / под науч. ред. О.П. Иванова; Дипломатическая академия МИД России. – М.: Квант Медиа, 2021. – С. 11–30.
5. *Fernandez J., Holeindre J-V.* Nations désuniées? La crise du multilatéralisme dans les relations internationales. – P.: CNRS Editions, 2022. – 361 p.
6. National Security Strategy. October 2022 // The White House [official website]. – Washington. 12.10.2022. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 25.11.2022).

Райнхардт Роман Отмарович,

кандидат экономических наук,
Московский государственный институт международных отношений МИД
России, Москва.

Roman O. Reinhardt,

PhD (Economics),
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of
Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

E-mail: don.reinhardt@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ: СЛОВО ПРОФЕССИОНАЛАМ

ECONOMIC DIPLOMACY: GIVING THE FLOOR TO PROFESSIONALS

Аннотация: в статье представлена содержательная рецензия на монографию А.А. Нарышкина «Инструменты экономической дипломатии в обеспечении внешней политики России» (2022 г.).

Ключевые слова: экономическая дипломатия, внешнеэкономическая деятельность, санкции, внешняя политика России.

Abstract: the article provides an in-depth review of the monograph by A.A. Naryshkin “Economic Diplomacy Tools in Ensuring Russia’s Foreign Policy” (2022).

Key words: economic diplomacy, foreign economic activity, sanctions, Russia’s foreign policy.

24 февраля, вне всяких сомнений, стало поворотным моментом и точкой невозврата в новейшей мировой истории. Результаты многих изысканий в области общественных и гуманитарных наук, полученные до нее, имеют теперь больше историческую или в лучшем случае теоретическую, нежели практическую ценность. Особенно это касается прикладных политических и экономических исследований.

Обострение противостояния в плоскости санкций, пересмотр условий и частичный разрыв долгосрочных контрактов на поставку в зарубежные страны отечественных энергоносителей, общая кардинальная смена нарративов связей России и Запада — реалии, представить которые еще несколько месяцев тому назад было трудно и возможно лишь в наиболее негативных сценариях. Тем не менее теперь это объективная данность, в которой приходится существовать и работать буквально всем участникам мировой